

В. П. Старк

ПУШКИН И СЕМЕЙНЫЕ ПРЕДАНИЯ ЕГО РОДА

История рода Пушкиных, предков поэта по линии отца Сергея Львовича и бабушки Марии Алексеевны, урожденной Пушкиной, стала предметом детального изучения, начиная еще с 1850-х годов. Происхождение ни одного из русских писателей так не волновало читателей, как пушкинское, но и ни один из них столь настойчиво не обращался в своем творчестве к теме предков. М. П. Алексеев в предисловии к книге В. М. Русакова, посвященной уже потомкам Пушкина, писал: «Пушкин любил заниматься генеалогией своих предков. Хорошо известно, что это увлечение, имевшее глубокие корни, нашло неоднократное отображение во всем его творчестве — поэзии и прозе, в критических статьях, письмах, деловых документах... Достаточно напомнить такое стихотворение, как „Моя родословная“,

или исторический роман „Арап Петра Великого“, созданный на основе его собственных генеалогических изысканий архивного характера и семейных преданий»¹. Корни этого «увлечения», если не сказать сильнее, восходят к прочному и выстраданному поэтом убеждению, что гордость своим родом есть основа основ, ствол «самостояния человека»: «Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие» (XI, 55). В письме графу А. Х. Бенкендорфу, оправдывая себя по поводу стихотворения «Моя родословная», Пушкин пишет: «...я чрезвычайно дорожу именем моих предков, этим единственным наследством, доставшимся мне от них» (XIV, 242; оригинал по-французски). К сожалению, и это наследство оказалось в беспорядочном состоянии, что стало причиной многих досадных упущений и ошибок самого Пушкина в его обращениях к истории рода. Завершая первое из них, т. е. примечание к строфе L главы первой «Евгения Онегина» в его первом издании, автор сам же сетует на ограниченность своих источников: «В России, где память замечательных людей скоро исчезает, по причине недостатка исторических записок, странная жизнь Аннибала известна только по семейственным преданиям» (VI, 655). Эти предания — в силу специфики своего возникновения и бытования — неизбежно грешат вольными или невольными ошибками, хронологическими несуразицами и домыслами во имя возвеличения рода. Предания пушкинского рода в этом смысле не исключение. Другое дело, что Пушкин недостоверными источниками пользовался с большой осторожностью и добросовестностью историка. Но и он не мог избежать ошибок, которые со временем повторяли его биографы, не всегда умевшие дать им должную критическую оценку. Перенесенные же из сферы научной в повседневно широкое обращение, дополненные досужими толкованиями, эти версии, высказанные в осторожной форме, тиражировались и приобретали характер аксиом, искажая и даже вовсе преобразяжая истинную историческую картину.

Характернейшим образцом подобного мифотворчества, связанного с предками Пушкина, может служить его обращение к биографии деда Льва Александровича. В стихотворении «Моя родословная» (1830) Пушкин пишет о нем:

Мой дед, когда мятеж поднялся
Средь петергофского двора,
Как Миних, верев оставался
Паденью третьего Петра.

¹ Алексеев М. П. Предисловие//Русаков В. М. Рассказы о потомках А. С. Пушкина. Л., 1982. С. 3.

Попали в честь тогда Орловы,
 А дед мой в крепость, в карантин...
 (III, 262)

То же самое сообщает Пушкин о нем и в «Начале автобиографии»: «...Лев Александрович служил в артиллерии и в 1762 году, во время возмущения, остался верен Петру III. Он был посажен в крепость и выпущен через два года. С тех пор он уже в службу не вступал и жил в Москве и в своих деревнях» (XII, 311). Почти в тех же выражениях этот эпизод описан в «Опровержении на критики» (XI, 161). С. Л. Пушкин возражал против этой версии в журнале «Современник», отвечая на публикацию А. В. Никитенко в «Сыне отечества» (1840. Т. II, кн. 3) «Отрывков из записок А. С. Пушкина», куда в составе других текстов вошло и «Начало автобиографии». По цензурным соображениям слова: «во время возмущения остался верен Петру III» были заменены на следующие: «при вступлении на престол Екатерины II» (XII, 472). Так что Сергею Львовичу оставалось возражать только против самого факта заключения своего отца в крепости. Он писал, что Лев Александрович «не содержался в крепости 2-х лет: он находился некоторое время под домашним арестом — это правда, но пользовался свободой»². К тому же наказание было связано с «непорядочными побоями находящегося у него в службе венецианина Харлампия Меркадия». Этот эпизод также окажется преобразованным в рассказе Пушкина — венецианец превратится во француза, которого Лев Александрович «весьма феодально повесил на черном дворе» (XII, 311).

В наше время С. К. Романюк окончательно развеял легенду о причастности деда Пушкина к событиям 1762 г. и о его содержании в крепости за верность Петру III. В списке участников процессии «при торжественном Ея Величества в Москву шествии» исследователь нашел имя Л. А. Пушкина. Составлен же он был 14 августа 1762 г., т. е. через два месяца после переворота. Отметился Лев Александрович и как бывший у исповеди перед Великим постом 1763 г. Наконец, 8 мая 1763 г. он подписался под текстом сговорной на О. В. Чичерину, а в сентябре того же года получил отставку с награждением следующим чином, как то значится в его формулярном списке³.

К весомым доводам С. К. Романюка можно добавить еще один. В Институте русской литературы РАН хранится копия с патента на чин подполковника, полученного Львом Александровичем.

² Современник. 1840. Т. 19. С. 103—104.

³ См.: Романюк С. К. К биографии родных Пушкина // Временник Пушкинской комиссии. Л., 1989. Вып. 23. С. 9—11.

ровичем; в 1799 г. В. Л. Пушкин представил ее в Московское губернское дворянское депутатское собрание. (Судьба подлинника, хранившегося у Василия Львовича, неизвестна.) Подписанный Екатериной II в Петербурге 2 марта 1764 г. патент, в частности, гласит: «Известно и ведомо будет каждому, что мы Льва Пушкина, который нам в артиллерии майором служил, для его о казенном в службе нашей ревности и прилежности в наши артиллерии подполковники 1763 года сентября 23 дня всемиловитейше пожаловали...»⁴ И это в то время, когда упомянутый Лев Пушкин должен был, если верить рассказу его внука, находиться в заключении.

Занимаясь собственной генеалогией, Пушкин не только порою повторяет и закрепляет ошибки своих предшественников, но и сам становится источником распространения живучих легенд, притом что постоянно скорбит о недостатке документов, подменяемых «семейственными преданиями», достоверность которых оказывается на поверку весьма сомнительной.

Настоящей работой хочется внести ясность в отношении некоторых подобных легенд в истории предков поэта по линии Пушкиных, уточнив по возможности характер и источники их возникновения.

1

«Мой предок Рача...»

В «Опровержении на критики» есть слова, зачеркнутые Пушкиным, но не утрачивающие от того своего смысла: «Я русский дворянин, и <...> знал своих предков прежде, чем узнал Байрона» (XI, 406). В «Борисе Годунове» уже отразилось это знание, восходящее к «Истории государства Российского». О времени же происхождения своего рода Пушкин впервые упоминает в полемическом послании К. Ф. Рылееву лета 1825 г. (сохранился лишь черновик). В ответ на рылеевский вопрос: «Тебе ли чваниться пятисотлетним дворянством?»⁵ Пушкин поправляет Рылеева: «Ты сердишься за то, что я чванюсь 600-летним дворянством (NB. Мое дворянство старее)» (XIII,

⁴ ПД, оп. 21, № 71, с. 10 (Дело Герольдии о внесении рода Пушкиных в общий гербовник дворянских родов).

⁵ Рылеев, как видно, исчисляет древность дворянства Пушкина со времени Григория Александровича Пушки, жившего в XIV в., чье прозвище дало фамилию пушкинскому роду.

219). Таким образом, поэт возводит свой род к первой половине XIII в., т. е. к эпохе Александра Невского. Позднее он закрепляет свое утверждение в стихотворении «Моя родословная», статье «Опровержение на критики», в «Начале автобиографии», повторяя тем самым и первую ошибку относительно истории своего рода. В действительности его род еще старше — примерно на сто лет, и Пушкину следовало бы называть себя «семисотлетним дворянином». В отрывке III повести «Гости съезжались на дачу», который датируется концом 1829 — началом 1830 г., русский, беседуя с испанцем, говорит: «...корень дворянства моего теряется в отдаленной древности» (VIII, 42). В вариантах рукописи после этих слов можно прочесть: «я не мог отыскать в хрониках моего родоначальника» — знаю только, что предки мои уже сражались близ Алекс.<андра> Невск.<ого>...» (VIII, 542). В стихотворении «Моя родословная» поэт, называя имя основателя рода, прямо связывает его с именем великого новгородского князя:

Мой предок Рача мышцей бранной
Святому Невскому служил.

(III, 262)

Известные работы, посвященные Раче (Ратше, Радше), при всех расхождениях, сходятся в том, что этот легендарный основатель знаменитых русских фамилий появился на Руси около середины XII в.⁶ С этого времени, следовательно, и надо считать старшинство пушкинского рода, как примерно и еще тридцати других родов, между тем все их представители уже к XVIII в. (а значит и их внуки к пушкинскому времени) единодушно связывали Ратшу с именем Александра Невского. Таким образом, ошибка Пушкина не носила ни в коей мере частного характера. Ее природа была всеобщей дворянской и исчерпывающе объяснена С. Б. Веселовским: «В небольшом багаже генеалогических познаний среднего дворянина хранились и передавались от отца к сыну имя родоначальника, действительного или вымышленного, и два-три факта, традиционно связываемые с каким-либо крупным общеизвестным историческим лицом или событием: Ледовым побоищем, Куликовской

⁶ Долгоруков П. В., кн. Российская родословная книга. СПб., 1855. Ч. 2. С. 151; Ч. 4. С. 183; Муравьев М. В. Родословие А. С. Пушкина//Пушкинский сборник. СПб., 1899. С. 655; Модзалевский Б. Л., Муравьев М. В. Пушкины (родословная роспись). Л., 1932. С. 4, 8; Вегнер М. Предки Пушкина. М., 1937; Лукомский В. К. Архивные материалы о Радше//Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1941. Т. 6. С. 398—408; Веселовский С. Б. Род и предки Пушкина в истории//Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 39—139.

битвой, Александром Невским, Иваном Калитой, Дмитрием Донским и т. п.

Переходя из уст в уста, родословные предания деформировались. Самым слабым местом этих „творимых легенд“ были смещения хронологических вех и контаминация разновременных лиц и событий»⁷.

Родословные легенды относительно потомков Ратши, благодаря тому что одним из них оказался Пушкин, подверглись углубленной критической проверке еще в конце XIX в. П. В. Долгоруков и М. В. Муравьев в своих родословиях Пушкиных Ратшу относят к середине XII в. Они опираются на сообщения Государева родословца, составленного в 50-е годы XVI в., и так называемую Бархатную книгу, в которых указано кратко: «Из Немец пришел Ратша»⁸. Правнуком его называется Гаврила Алексич — первое историческое лицо в роде Ратши, чье имя увековечено летописцами в рассказах о битве вел. князя Александра Ярославича на Неве со шведами в 1240 г. Частные родословцы, вопреки сообщениям начальных источников, допуская хронологическую несообразность, самого Ратшу называли сподвижником Александра Невского. Это стало возможным не только ввиду забвения собственных предков и желания приукрасить историю своих фамилий, но и потому, что в Государевом родословце и Бархатной книге первые поколения приводятся лишь назывательно, без конкретных привязок ко времени.

Собственно пушкинский вклад в поддержание устойчивой родословной легенды не подвергался никогда достаточному анализу. Прежде всего необходимо установить, какими источниками пользовался Пушкин помимо семейных преданий, какие из них и в какой мере легли в основу его высказываний по поводу своего рода.

В «Начале автобиографии» Пушкин писал: «Мы ведем свой род от прусского выходца *Радши* или *Рачи* (мужа честна, говорит летописец, т. е. знатного, благородного), выехавшего в Россию во время княжества св. Александра Ярославича Невского. От него произошли: Мусины, Бобрищевы, Мятлевы, Поводовы, Каменские, Бутурлины, Кологривовы, Шерефединовы и Товарковы» (XII, 311). Комментируя эти строки Пушкина, С. Б. Веселовский высказал такое мнение: «Пушкин знал, наверное, Бархатную книгу, изданную Н. И. Новиковым в 1787 г., но, видимо, читал ее невнимательно. Из Бархатной книги он

⁷ Веселовский С. Б. Род и предки Пушкина в истории. С. 41.

⁸ Новиков Н. И. Родословная книга князей и дворян российских и выезжих. М., 1787.

мог бы узнать еще ряд фамилий, происшедших от Ратши, но Шерефединовых он там не нашел бы. Очевидно, он имел в виду фамилию Шафериковых-Пушкиных, пресекающуюся в XVIII в.»⁹ Бархатная книга в издании Новикова была в библиотеке Пушкина, и хотя его пометы в ней отсутствуют, он несомненно пользовался ею¹⁰.

И все же главным источником для Пушкина стало его собственное родословное древо, составленное дядюшкой его В. Л. Пушкиным. В 1799 г. оно было представлено им в Московское губернское дворянское депутатское собрание при прошении о внесении герба Пушкиных в «Общий гербовник дворянских родов». Дело это ныне хранится в Институте русской литературы РАН (Пушкинский Дом), в свое время оно было изучено и частично опубликовано В. К. Лукомским, высказавшим такое мнение: «А. С. Пушкину, однако, эти источники известны не были. Дело о внесении герба Пушкиных в „Гербовник“ возникло полгода спустя после его рождения, а следовательно, не видел он и тех документов, которые были при этом представлены»¹¹. Вместе с тем только на этом родословном древе ниже имени Ратши указана — в ряду других — фамилия Шерефединова, на которую обратил внимание С. Б. Веселовский. Таким образом, ошибка, отмеченная им у Пушкина, восходит к поколенному родословию, составленному В. Л. Пушкиным, апробированному в архиве Московской коллегии иностранных дел, рассмотренному Московским дворянским собранием и представленному с другими документами в Герольдмейстерскую контору Правительствующего Сената. Из дела явствует, что были выполнены по две копии со всех документов, т. е. герба, патентов на чины просителя и его отца, справки из Архива и поколенного родословия. После рассмотрения подлинники были возвращены владельцу. До нас дошли те копии, которые были отправлены в Герольдию. Вторые копии остались в архиве Московского дворянского собрания. Ни те, ни другие копии, хранившиеся в казенных архивах, Пушкину, конечно, доступны не были, и в этом В. К. Лукомский прав. Но он не учел подлинников, возвращенных Василию Львовичу. Поскольку фамилии Шерефединовых — в качестве потомков Ратши — нет ни в одном печатном источнике, то можно утверждать: Пушкин мог встретить ее только в родословии, составленном дядюшкой. Знакомство его с этим документом, скорее всего, могло про-

⁹ Веселовский С. Б. Род и предки Пушкина в истории. С. 42.

¹⁰ Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина. СПб., 1910. С. 85. № 314.

¹¹ Лукомский В. К. Архивные материалы о Радше. С. 407.

изойти перед смертью Василия Львовича. Он присутствовал при его кончине 20 августа 1830 г. и провожал его в последний путь, взяв на себя расходы по похоронам.

В 1825 г. в подобной же ситуации Пушкин получил семейные бумаги от П. А. Ганнибала. 11 августа 1825 г. он писал П. А. Осиповой: «Я рассчитываю еще повидать моего двоюродного дедушку, — старого арапа, который, как я полагаю, не сегодня завтра умрет, а между тем мне необходимо раздобыть от него записки, касающиеся моего прадеда» (XIII, 205; оригинал по-французски). Дал ли Василий Львович племяннику возможность ознакомиться со своими бумагами сам, или тот воспользовался ими после его смерти, разбирая дядюшкин архив, не столь важно. Факт знакомства с ними Пушкина очевиден и скорее всего относится к августу 1830 г. Тогда же получает Пушкин в наследство от дядюшки и печать с гербом пушкинского рода, которой с этого времени и пользуется. В. К. Лукомский писал: «Печать эта, вероятно, получена им от дяди Василия Львовича Пушкина, в год смерти последнего в 1830 г., в свою очередь, быть может, унаследовавшего печать от своего отца — деда поэта — Льва Александровича Пушкина»¹². В. Л. Пушкин, старший из сыновей Льва Александровича от брака с О. В. Чичериной, хранитель семейного архива, печати и легенд, все это перед смертью передает своему племяннику-поэту. Полученное наследство спустя полтора месяца, болдинской осенью, дает Пушкину импульс для первого подступа к написанию «(Начала автобиографии)», включавшей в себя материалы по истории рода Пушкиных. Тогда же пишется и стихотворение «Моя родословная». «Нет, не случайно творчество А. С. Пушкина 1830-х гг., произведения, написанные знаменитой болдинской осенью, его рукописи и рисунки, его письма хранят воспоминания о дяде»¹³.

Таким образом, виновником некоторых исторических несоответствий и ошибок, которые мы встречаем у Пушкина, следует считать прежде всего Василия Львовича. Пушкинские записки по истории своего рода несут на себе явную печать недавнего общения с дядюшкой — великолепным рассказчиком, доверчиво усвоившим семейные легенды и умевшим собственной фантазией восполнить нехватку точного знания.

¹² Там же. С. 404.

¹³ Михайлова Н. И. Василий Львович Пушкин//Пушкин В. Стихи. Проза. Письма. М., 1989. С. 24.

«С Петром мой пращур не поладил...»

В «Опровержении на критики» Пушкин пишет о представителях своего рода конца XVII в.: «При Петре они были в оппозиции, и один из них, стольник Федор Алексеевич, был замешан в заговоре Цыклера и казнен вместе с ним и Сокогниным» (XI, 161). Давно уже замечено, что здесь Пушкин описался, назвав Федора Матвеевича Федором Алексеевичем. Позднее, в «Начале автобиографии», он называет правильно его и его отца: «...окольный Матвей Степанович [подписался] под соборным деянием об уничтожении местничества (что мало делает чести его характеру). При Петре I сын его, стольник Федор Матвеевич, уличен был в заговоре противу государя и казнен вместе с Цыклером и Соковниным» (XII, 311). В стихотворении «Моя родословная» поэт поманет именно его:

Упрямства дух нам всем подгадил:
В родню свою неукротим,
С Петром мой пращур не поладил
И был за то повешен им.

(III, 262)

С. Б. Веселовский комментирует, с точки зрения историка, все эти пушкинские строки: «Выражения „оппозиция“ Пушкина деятельности Петра I и „неукротимость“ родни Ф. М. Пушкина представляются неудачной и неверной характеристикой сообщников Алексея Соковнина и Ивана Цыклера. Немного дерзко звучит и выражение, что Ф. М. Пушкин был повешен (не повешен, а обезглавлен) за то, что „не поладил“ с Петром I»¹⁴. С. Б. Веселовский полагал, что поэт не был осведомлен о том, какое участие приняли Пушкины, т. е. «неукротимая родня», в заговоре против Петра I. Он доказывает, что они явились всего лишь второстепенными его участниками, хотя и пострадали после его раскрытия. Ф. М. Пушкин, женившись на дочери Алексея Соковнина Пелагее Алексеевне (у Пушкина ошибочно «дочь Цыклера»), попал в среду сторонников старомосковского уклада жизни. Отец «не поладившего» с царем, боярин Матвей Степанович Пушкин, тогда самый крупный представитель своей фамилии на государственной службе, был после казни сына сослан в Енисейск, лишен боярства и имущества. Малолетнего своего внука Федора он взял с собою в Сибирь, где оба вскоре скончались. Дядя казненного, боярин Яков Сте-

¹⁴ Веселовский С. Б. Род и предки Пушкина в истории. С. 135.

панович, хотя вина его не была доказана, также был удален из Москвы — сначала на Белоозеро, а затем в свою касимовскую деревню, в которой вскоре и умер. За неимением мужского потомства эта ветвь Пушкиных вовсе угасла. Таким образом, эта оппозиция «вывела навсегда весь род Пушкиных из среды московской знати и из правящих верхов государства»¹⁵.

Пушкин не случайно в план автобиографии в набросках статьи «Опровержение на критики» включил сюжет «казненный Пушкин»: «Рача, Гаврила Пушкин. Пушкины при царях, при Романовых. Казненный Пушкин. При Екатерине II. Гонимы. Гоним и я» (XI, 388).

В «Истории Петра Великого» пушкинская запись о заговоре открывает хронику 1697 г.: «Окольный Алекс.<ей> Соковнин, стольник Фед.<ор> Пушкин и стрелецкий полковн.<ик> Цыклер сговорились убить государя на пожаре 22 янв.<аря> 1697» (X, 31).

В каком же родстве с казненным состоял поэт? Ольга Сергеевна Павлищева в «Воспоминаниях о детстве А. С. Пушкина», записанных с ее слов 26 октября 1851 г., сообщает об этом, рассказывая о бабушке, Марии Алексеевне, следующее: «По отцу будучи внучкою Федора Петровича Пушкина, замешанного в заговоре Соковнина, она приходилась внучатною сестрою зяту своему Сергею Львовичу»¹⁶. Поправив Пушкина в его мнении о родстве родителей, она допускает другую ошибку, назвав Федора Петровича (вместо Федора Матвеевича) участником заговора Соковнина. О. С. Павлищева довольно хорошо, в чем-то даже лучше брата, разбиралась в родословной Пушкиных, но значительно хуже в русской истории. Она путает Федора Матвеевича с тезкою, стольником же Федором Петровичем, их прямым предком, полагая последнего участником заговора против Петра I. Характерно, что тут же ею упоминается стихотворение «Моя родословная», в котором мятежный Пушкин назван «прашуром». Судя по всему, в семье Пушкиных существовало предание, что их предок был казнен Петром I, но никто не знал точной степени родства с ним. Попытаемся установить истину в этом вопросе.

В буквальном смысле слово «прашур» означает прямого предка в шестом колене. Таковым по отношению к Пушкину Федор Матвеевич не является, так как еще в десятом колене от Ратши разошлись ветви, к которым они принадлежали. Их общий предок — это Иван Гаврилович Пушкин, живший

¹⁵ Там же.

¹⁶ Павлищева О. С. Воспоминания о детстве А. С. Пушкина // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974. Т. 1. С. 51.

в XV в. К шестнадцатому колену по одной ветви относился Федор Матвеевич, к двадцатому по другой — поэт. Федор Матвеевич приходился прапрадеду Пушкина стольнику Петру Петровичу шестиюродным братом, а ему самому, таким образом, шестиюродным прапрадедом. Таким образом, ни о каком близком родстве между «казненным» Пушкиным и поэтом речи быть не может. Лишь в условно обобщенном плане можно называть Федора Матвеевича пращуром Пушкина.

Зато интересно отметить тот факт, что детям Пушкина этот Федор Матвеевич приходился прямым пращуром по линии Наталии Николаевны, так как она была его прапраправнучкой. Дело в том, что дочь Федора Матвеевича Прасковья вышла замуж за сына гетмана Правобережной Украины Александра Петровича Дорошенко, а их дочь Екатерина, в свою очередь, за Александра Артемьевича Загряжского, деда Наталии Ивановны Гончаровой, урожденной Загряжской, матери Наталии Николаевны.

В той же степени, что и Н. Н. Пушкина, прямым потомком Федора Матвеевича был и М. Ю. Лермонтов, приходящийся, таким образом, жене Пушкина пятиюродным братом. Упомянутый выше Иван Гаврилович Пушкин также является прямым предком Лермонтова, как и Пушкина, который приходился Михаилу Юрьевичу дядей в десятом колене. Насколько известно, ни Пушкин, ни его жена, ни Лермонтов не знали об этих родственных связях.

3

«Родной брат деду моего отца...»

В именном указателе академического собрания сочинений А. С. Пушкина можно прочесть: «Пушкин, Алексей Петрович XII 314 („тамбовский всевода, родной брат деду моего отца“), 435 („Алексей Петрович“»». Первое указание отсылает нас к «〈Началу автобиографии〉», второе — к «Генеалогическому древу Пушкиных».

В незавершенной работе «〈Начало автобиографии〉» Пушкин, в частности, пишет об Осипе Абрамовиче Ганнибале: «... дед мой служил во флоте и женился на Марье Алексеевне Пушкиной, дочери тамбовского воеводы, родного брата деду отца моего (который доводится внучатым братом моей матери)» (XII, 313—314). В сложном построении этого генеалогического указания Пушкин допустил неточность, объединив два поколения разных ветвей своего рода в одно.

Дедом отца поэта был Александр Петрович Пушкин, а его родным братом Федор Петрович — не отец, как получается по Пушкину, а дед Марии Алексеевны. Следовательно, и отец поэта Сергей Львович доводился своей жене не внучатным (т. е. троюродным) братом, а троюродным дядей. Сам же Пушкин, таким образом, вследствие двойного соединения представителей одного и того же рода, приходился своей матери не только сыном, но и кузеном в четвертом колене, т. е. четверюродным братом.

Ошибка Пушкина относительно степени родства своих прадедов и родителей осталась до сих пор незамеченной и оттого явилась источником ряда неправильных указаний на этот счет в позднейшей литературе. Даже такой крупнейший исследователь творчества Пушкина, как Ю. М. Лотман, отталкиваясь от этого пушкинского текста, в своей известной биографии А. С. Пушкина пишет: «Отец и мать поэта были родственники (троюродные брат и сестра)»¹⁷.

После выхода в свет его книги, пользующейся заслуженным признанием и разошедшейся миллионным тиражом в серии, предназначенной в качестве пособия для учащихся, автору этих строк приходилось не раз доказывать истину читателям лотмановской биографии Пушкина и даже людям, никогда ее не читавшим, но услышавшим от своих учителей, друзей и т. д. о том, что родители Пушкина приходились друг другу троюродными братом и сестрой. Далее следует вопрос насчет законности такого брака. Лишь для венчания двоюродных требовалось особое разрешение Синода, а в данном случае они и вовсе лишь троюродные дядя и племянница, да еще носившие до свадьбы разные фамилии.

В «Воспоминаниях о детстве А. С. Пушкина» О. С. Павлицева, как уже отмечалось, совершенно правильно характеризует родство своей бабушки Марии Алексеевны с ее зятем Сергеем Львовичем. Л. Н. Павлицев в свою очередь сообщает, что «Сергей Львович, женившийся на внучке Ибрагима (Авраама) Петровича Ганнибала, негра Петра Великого, состоял с женой своей, Надеждой Осиповной, в родстве, так как мать ее, Марья Алексеевна Ганнибал, рожденная Пушкина, приходилась ему внучатой сестрою»¹⁸.

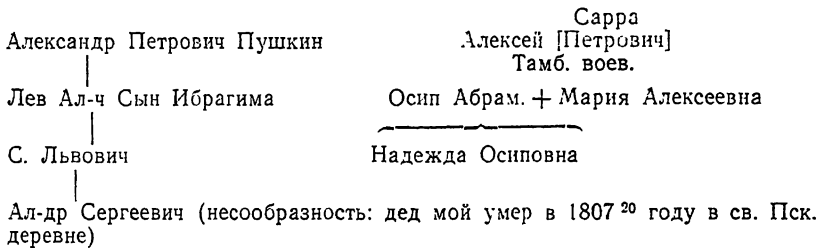
Приведенный пример показывает, что всякая попытка извлечения какого-либо факта биографии предков поэта из его произведений, не подвергнутая тщательной проверке по другим источникам (к чему он сам постоянно стремился, но не всегда

¹⁷ Лотман Ю. М. Александр Сергеевич Пушкин: Биография писателя. Л., 1981. С. 11.

¹⁸ Павлицев Л. Н. Воспоминания об А. С. Пушкине. М., 1890. С. 8.

имел к тому возможность), способна привести к закреплению ошибок Пушкина. Так, на основе неизвестного документа Пушкин составляет генеалогическую записку, дошедшую до нас лишь в копии П. И. Бартечева. Она была впервые напечатана М. А. Цявловским¹⁹ и включена в академическое собрание сочинений (XII, 437), но никогда не подвергалась критической оценке. Приведем ее полностью:

Генеалогическое древо Пушкиных

В записи отец бабушки Марии Алексеевны (1745—1818) значится братом Александра Петровича Пушкина, хотя на самом деле он приходился последнему племянником. Пушкин указывает на несоответствие возраста Осипа Абрамовича (1744—1806) и его супруги. Если следовать этой схеме, он был женат на дочери некоего Алексея Петровича, который должен был жить еще при Петре I. Пушкин, таким образом, выражает сомнение в правильности этого построения. Тем не менее, как уже говорилось, в «Начале автобиографии» он называет отца Марии Алексеевны «родным братом деду отца моего». Дело, однако, в том, что никакого Алексея Петровича в природе не существовало. Речь идет об Алексее Федоровиче и отце его Федоре Петровиче. Родной брат Александра Петровича Пушкина Федор Петрович, стольник Петра I, поручик в 1711 г., раненный в Прутском сражении и уволенный в отставку, умер в 1727 г. Жена его — Ксения Ивановна Коренева. Сын их Алексей Федорович родился в 1717 г., в 1730 г. был пажем царевны Прасковьи Ивановны, учился с 1732 по 1738 г. в Шляхетском кадетском корпусе в Петербурге, из него был выпущен прапорщиком в Первый драгунский полк, участвовал в турецкой кампании 1737—1739 гг. В 1746 г. он вышел «в отставку за

¹⁹ Из пушкинианы П. И. Бартечева: 1. Тетрадь 1850-х годов//Летописи Гос. лит. музея. 1936. Кн. 1. С. 536.

²⁰ В рукописи описка: 1707.

ранами» в чине капитана и с тех пор жил в Тамбовской губернии. Пушкин дважды называет его «тамбовским воеводой» — в «〈Начале автобиографии〉» и в приведенной генеалогической записи. По этому поводу М. Вегнер пишет: «Поэт говорил, что Алексей Федорович был тамбовским воеводой, но известие это не подтверждено»²¹. Авторы книги «Тамбовская тропинка к Пушкину» выдвигают свою версию. Найдя в книге Б. Л. Модзалевского и М. В. Муравьева «Пушкины. Родословная роспись» Петра Михайловича Пушкина по прозвищу Желтоух, который значится «... в 1653—56 гг. полковым воеводой в Козлове...», они убеждают читателя в том, что именно его имел в виду Пушкин, так как г. Козлов относится к Тамбовской губернии²². При этом они опираются на мнение того же М. Вегнера, что Пушкин часто «находился во власти неверных представлений»²³.

В 1979 г. лицепкий краевед Н. В. Марков предпринял еще одну попытку «реабилитации» Пушкина в вопросе о тамбовском воеводстве его прадеда. В липецком архиве им было обнаружено дело 562 от 14 декабря 1772 г. о беглых поляках Анисиме Фроловиче Лодрего и Козьме Григорьевиче Роскольском. Первый из них был привезен на Тамбовщину отставным карабинером Иваном Кузьминым из села Покровского, принадлежавшего А. Ф. Пушкину и сыну его Юрию Алексеевичу. В 1772 г. поляки бежали из Покровского, считая себя вольными, в то время как Ю. А. Пушкин числил их крепостными. Показание по этому поводу Анисима Фроловича Лодрего частично приводит Н. В. Марков: «... служивший в том полку карабинер Иван Кузьмин, а прозвания не знает, из того местечка взял меня, Анисима, но неимению у меня отца и матери за сиротство по желанию моему и по отставке одного карабинера из полку по приезде бывшего Сокольского уезду в село Покровское, где им, Кузьминым, и отдан по неимению у него, Кузьмина, к содержанию меня, Фролова, в пропитании, так же и собственного дома выше упомянутому Юрья Алексею сыну Пушкину; отцу Алексею Федорову сыну Пушкину, которому от меня, Фролова, и подано в имяречную бывшей Сокольской воеводской канцелярии желательная челобитная». Н. В. Марков считает, что «желательная челобитная» подана в Сокольскую воеводскую канцелярию воеводе ее А. Ф. Пушкину, а «раз город Сокольск на тамбовской земле, то прав Пушкин, называя

²¹ Вегнер М. Предки Пушкина. С. 189. Подчеркнем еще раз, что Пушкин не называет отчества своего прадеда, но считает его «Петровичем».

²² Гордеев Н., Пешков В. Об одной ошибке поэта//Гордеев Н., Пешков В. Тамбовская тропинка к Пушкину. Воронеж, 1969. С. 7—14.

²³ Вегнер М. Предки Пушкина. С. 7.

прадеда тамбовским воеводой»²⁴. Газета «Литературная Россия» в лице С. Ф. Панюшина поддержала липецкого краеведа, сделав его находку уже общероссийским достоянием²⁵. Безусловно, обнаружение дела, где упоминаются имена предков поэта, представляет интерес, но вывод о «тамбовском воеводстве» А. Ф. Пушкина представляется сомнительным. Если канцелярский оборот XVIII в. перевести на современный язык, то станет ясно, что Анисим Фролов подавал прошение в сокольскую воеводскую канцелярию о том, что он желает жить в доме А. Ф. Пушкина, отца Юрия Алексеевича. В том случае, если бы А. Ф. Пушкин действительно состоял пусть не тамбовским воеводой, а хотя бы сокольским в Тамбовской губернии, то какие-либо документы, связанные с его деятельностью, давно были бы обнаружены.

Остается предположить, что отставного капитана и тамбовского помещика, каким был на самом деле А. Ф. Пушкин, семейные предания превратили в тамбовского воеводу.

4

«Первый андреевский кавалер»

Пушкин дважды — в «Начале автобиографии» и в «Опровержении на критики» — почти дословно повторяет: «Прадед мой, Александр Петрович был женат на меньшей дочери графа Головина, первого андреевского кавалера» (XII, 311) и «Прадед мой был женат на меньшей дочери адмирала гр.<афа> Головина, первого в России андреевского кавалера и проч.» (XI, 161). В кратком этом сообщении допущены три ошибки. Прадед Пушкина действительно был женат на Евдокии Ивановне Головиной, дочери любимца Петра I адмирала Ивана Михайловича Головина, но она была его старшей дочерью, а сам он никогда не был ни графом, ни андреевским кавалером вообще, не говоря уж о первом в числе награжденных этим высшим российским орденом. Чем же объясняются пушкинские ошибки и нет ли здесь осознанного стремления ввести в заблуждение своего читателя? Прежде всего следует отметить, что обе процитированные работы не были завершены Пушкиным и увидели свет только после его смерти. «Опровержение» было написано в Болдине в сентябре—октябре 1830 г. Именно здесь, в наследствен-

²⁴ Марков Н. В. Сокольский воевода А. Ф. Пушкин // Ленинец. 1979. 19 мая.

²⁵ Панюшин С. Ф. Прав поэт // Лит. Россия. 1979. 1 июня.

ном пушкинском имени, воплотился замысел статьи, зревшей давно как ответ на постоянные оскорбительные печатные выпады Ф. В. Булгарина. Под рукой у Пушкина могли оказаться какие-то документы фамильного архива, а в памяти держались давние, осененные традицией семейные предания. Атмосфера родового гнезда, впервые увиденного поэтом, способствовала обращению к истории предков, как некогда возвращение в ганибаловскую вотчину в 1827 г. привело к созданию семи глав незавершенного романа «Арап Петра Великого».

Учитывая незавершенность как «Опровержения», так и «(Начала автобиографии)», можно предположить, что очевидные ошибки, в них допущенные, Пушкин, готовя эти произведения к печати, несомненно устранил бы — во всяком случае две из трех: относительно «графства» и «кавалерства» И. М. Головина. Доказательством может служить то, что уже в «Истории Петра Великого», многократно называя графом генерал-адмирала и генерал-фельдмаршала Федора Алексеевича Головина, двоюродного брата своего прапрадеда, Пушкин исправляет ошибку своих набросков. Ф. А. Головин первым получил в России чин генерал-фельдмаршала и стал первым кавалером ордена Св. Андрея Первозванного в день его учреждения 10 марта 1699 г. Родной прапрадед поэта также был адмиралом, главным корабельным мастером, участником Гангутского сражения, входя в число ближайших сподвижников Петра. Но высшая из его наград — это орден Св. Александра Невского, полученный им из рук Екатерины 21 августа 1725 г. Семейственные предания, как видно, соединили в одно лицо двух Головиных.

Что же касается еще одной ошибки Пушкина, источником которой является «семейный родословец», то в ней сказалось традиционное пренебрежение к фактам биографий жен и дочерей представителей нашего дворянства, своеобразный, можно сказать, «домостроевский комплекс», которым страдают даже известнейшие русские родословные книги.

У Ивана Михайловича Головина было помимо двух сыновей три дочери — Евдокия, Наталия и Ольга. Указываются они обыкновенно именно в такой последовательности, что говорит о том, что прабабка поэта была старшей из сестер. Во всяком случае Н. К. Телетова доказала, что Ольга (в замужестве Трубецкая) была младше сестры Евдокии²⁶. Относительно Наталии известно лишь, что она стала второй женой генерал-поручика кн. Константина Антиховича Кантемира, сына господаря мол-

²⁶ Телетова Н. К. Забытые родственные связи А. С. Пушкина. Л., 1981. С. 9—10.

давского кн. Антиоха Константиновича, умершего в 1726 г.²⁷ М. Вегнер в своей книге «Предки Пушкина» допускает досадную ошибку, называя кн. К. А. Кантемира «сыном известного сатирика»²⁸, хотя последний был бездетен и приходился кн. Константину двоюродным братом.

Ошибки, допущенные Пушкиным относительно своего прапрадеда Головина, несомненно имеют семейный источник. Эти заблуждения разделяет с братом и более осведомленная в своем родословии Ольга Сергеевна. В «Родословной», составленной с ее слов, обозначена с опиской «графиня Головкина» вместо «Головина», да еще в качестве жены Льва Александровича, а не его отца²⁹. Ошибка была исправлена: Л. Н. Павлищев со слов матери указывает в своих «Воспоминаниях» относительно Александра Петровича: «Женат был на графине Головиной»³⁰.

Впервые материалы о Головиных были собраны П. С. Казанским и напечатаны в 1847 г., так что Пушкину они не были известны. В них правильно указывается, что дочь И. М. Головина Евдокия Ивановна была замужем за Александром Петровичем Пушкиным»³¹.

5 .

«Тайцы, принадлежавшие некогда Ганнибалу»

Следует, вероятно, окончательно развеять еще одну легенду, возникновение которой связано с именем Пушкина. В своем дневнике за 1834 г. он делает 2 июня запись: «Вчера вечер у К(атерины) А(ндреевны). Она едет в Тайцы, принадлежавшие некогда Ганнибалу, моему прадеду» (XII, 330). В «Начале автобиографии» поэт пишет, что Елизавета, вступив на престол, пожаловала прадеду «несколько деревень в губерниях Псковской и Петербургской, в первой Зуево, Бор, Петровское и другие, во второй Кобринно, Суйду и Тайцы...» (XII, 313). Относительно псковских владений Пушкин пишет совершенно

²⁷ Лобанов-Ростовский А. Б., кн. Русская родословная книга. СПб., 1873. Т. 2. С. 51—52.

²⁸ Вегнер М. Предки Пушкина. С. 179—180.

²⁹ Родословная А. С. Пушкина, составленная со слов сестры его О. С. Павлищевой в Санкт-Петербурге 26 октября 1851 г. Н. И. Павлищевым//Анненков П. В. Материалы для биографии А. С. Пушкина. СПб., 1855. Т. 1. С. 435.

³⁰ Павлищев Л. Н. Воспоминания об А. С. Пушкине. С. 200.

³¹ Казанский П. С. Село Новоспаское, Деденево тож, и родословная Головиных, владельцев оногo. М., 1847. С. 131.

правильно. Во Всероссийском музее Пушкина хранится жалованная грамота, подписанная Елизаветой 12 января 1742 г. на «пригорода Воронича Михайловскую губу». Петербургские же владения были то, что называется «благоприобретенные» или, как именует их сам Абрам Петрович в своем «Завещании», составленном в 1766 г., «присовокупленные»³².

В «Воспоминаниях П. А. Ганнибала» прямо указано: родители с 1762 г. «жили в купленной отцом моим деревне, отстоящей от С.-Петербурга 55-ти верстах, Ингерманланде в мызе Сюйде, где и погребены в оной церкви, при селе находящейся»³³. Знакомство Пушкина с этим документом несомненно, он сохранился в бумагах поэта. Изобилующие ошибками, незначительные как по содержанию, так и по объему, «Воспоминания», однажды прочтенные Пушкиным, были в дальнейшем скорее всего преданы забвению. Зато такой документ, как «Немецкая биография» А. П. Ганнибала, к которой Пушкин не раз обращался, начиная с «Арапа Петра Великого», мог вызвать у него заблуждение по поводу происхождения петербургских имений. В нем Суйда именуется «главным имением» прадеда, а указание на то, что оно не является родовым, отсутствует.

Первые история приобретения земель под Петербургом была исследована и описана Н. К. Телетовой³⁴. Первым владельцем Таиц при Петре I стал прапрадед Пушкина Иван Михайлович Головин. При нем были только одни Таицы. При его сыне и наследнике адмирале Александре Ивановиче Головине, родном брате прабабки Пушкина Евдокии Ивановны, образовались уже Большие и Малые Тайцы. Он скончался в 1766 г., продав незадолго до смерти свои владения в разные руки: Большие Тайцы — А. Г. Демидову, а Малые — А. П. Ганнибалу. После него Малые Тайцы перешли к младшему его сыну Исааку Абрамовичу. Рядом с большим селением выросла Таицкая мыза с великолепным домом, построенным архитектором И. Е. Старовым, и парком. Большие Тайцы стали называть просто Тайцами, как именуются они и ныне. Именно здесь снимали дачу Карамзины. Носят прежнее свое название и Малые Тайцы, хотя никаких следов былой деревянной ганнибаловской усадьбы в ней не сохранилось. К сожалению, до сих пор в изданиях, посвященных истории с. Тайцы, повторяется утверждение, что

³² Завещание А. П. Ганнибала//Телетова Н. К. Забытые родственные связи А. С. Пушкина. С. 152.

³³ Воспоминания П. А. Ганнибала//Там же. С. 173.

³⁴ Телетова Н. К. Ганнибалы — предки А. С. Пушкина; Ганнибалы под Петербургом//Белые ночи. Л., 1978. С. 278—292.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ЛЕГЕНДЫ И МИФЫ О ПУШКИНЕ

Санкт-Петербург
ГУМАНИТАРНОЕ АГЕНТСТВО
"АКАДЕМИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ"
1995